

Евгений Алексеевич, ваш батюшка был священником, почему вы стали учиться на слесаря?

— Как старший сын я должен был идти по его стопам. Но нам, поповским детям, в 30-е годы не разрешали даже ходить в школу. Мне, скрывая свое «постыдное» происхождение, пришлось переехать к бабушке и дедушке, чтобы там учиться. Но надо было еще стариков поддерживать, и я в 12 лет пошел в ФЗУ. И еще помогал бабушке по хозяйству. Я и сейчас могу и тесто поставить, и пироги испечь.

— А где были в это время родители?

— Отец менял города, приходы, переживал трудности, гонения и бедность, но от своего дела не отказывался. Я, приезжая к нему, помогал как псаломщик. Я ведь в детстве, как и он, пел в церковном хоре! До сих пор читаю по-старославянски и наизусть помню молитвы.

— А как театр появился в вашей жизни?

— Отец мой пел не только в церкви. В молодости он служил в частной опере Зимина в Москве. Став священником, он не забывал о театре и очень много нам рассказывал о своих друзьях-певцах. Он, видно, так заразил меня своими рассказами, что я решил податься из слесарей в актеры. Тем более что в Самару приехала большая труппа актеров петербургского Александринского театра — Меркурьев, Симонов, Толубеев — преподавать актерское мастерство. Представляете, как мне повезло! Я с упоением учился в театральном училище, пока кто-то не донес, что я сын попа, и меня с треском выгнали.

— Правда ли, что вам, борясь с жизненными передерягами, пришлось делать «Мишку косолапого»?

— Да, я три года работал на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» в шоколадном цехе. Причем не просто научился конфеты заворачивать, а всю рецептуру узнал и весь процесс приготовления шоколада усвоил! Обжаривал какао-бобы и даже работал на вальцовке. Но вот в 1937 году арестовали моих родителей, и я из поповского сына превратился в сына врага народа. Что лишило меня права не только учиться, но и работать. Пришлось менять вкусную профессию кондитера.

— Кем же вы еще работали?

— Я поменял столько занятий, что и не сосчитать! Работал в кузнице, был грузчиком, арматурщиком,

ТВ Парк. - 1996. - 19 февр. - с. 8-9.

ЛЕБЕДЕВ

«Когда мне поручили роль пуделя Артемона, я обалдел: «Что с ним делать? На четвереньках что ли бегать? Меня в институте учили людей играть, а не животных! Я же не в зоопарке работаю!»

трудился на маслобойне и хлебозаводе. А театральные специальности знаю вообще досконально — от рабочего сцены до актера. Шил кулам платья, был и бутафором, и плотником.

— В Тбилиском ТЮЗе во время войны вы оформляли сцену...

— Почти все в театре ушли на фронт. Я как вражеский элемент был забракован. Вот и приходилось днем играть на сцене, а вечером строить декорации. Мне выделили помощника — молоденького паренка с большой кудрявой головой. Когда мы недавно встретились, он мне напомнил, как мы вместе забивали гвозди в декорации. Теперь-то он лысый, зато знаменитый — поэт Булат Окуджава.

-В **ас выпустили из училища с ампулы «герой-любовник».**

Почему вы отказались от него?

— Я не отказывался, мне просто никогда не давали играть романтических любовников. Мало того, педагоги всегда предупреждали, что когда меня в театре режиссеры увидят, то не поверят, что я артист и вообще пугаться будут.

— Почему?

— А я, когда на репетиции начинаю роль читать, то всегда чертыхаюсь. Еще люблю вопросы лишние задавать, лезу спорить, где надо промолчать. Я очень неудобный актер, беспокойный какой-то, все до сути мне надо докопаться.

— Как же вам не побоялись доверить роль пуделя Артемона?

— Я всегда смеялся над студентами студии Станиславского, где они все животных изображали: уток, собак, кошек. Я же учился в Камерном театре, у нас развивали пластику, голос, мы занимались биомеханикой. «Что они там лают, крикают?» — самодовольно думал я, готовясь играть, конечно, любовников. И вдруг мне поручают в ТЮЗе собачью роль. Я обалдел: «На четвереньках, что ли, ее играть?!» Долго мучился, мысленно обращался к великому наследию, вживался в «роль». В конце концов во сне увидел на сцене себя — Артемона. На следующий день на репетиции мне уже не мешала собачья маска на лице, я уже мог сыграть и без нее, потому что решил, что буду играть человека, а не собаку. Просто надо найти что-то собачье в человеке: преданность в глазах, стремление угодить. Если бы люди были по-собачьи преданы друг другу, то нам всем лучше бы жилось.

— На этом ваша «животная» эпопея не закончилась...

С женой и сыном Алексеем

— Да, я встретился с моей самой любимой ролью. Это был конь, толстовский Холстомер. Я хорошо знаю лошадей: и верхом много ездил, и на бега регулярно ходил. У них все, как и у людей, — есть красивые лошади, а есть замухрышки. Мой Холстомер — это Мужик Первый, конь высокой породы, который из-за своей пегости потерял все свои привилегии. С моей лошадкой происходит все, что может произойти с человеком. Вы вспомните, как молодые кобылки смеются над старым Холстомером! А разве сейчас над старостью не смеются? «Куда прешь, старый?! Лежал бы дома». Хорошо, что меня в лицо знают, это очень выручает на улице. А если бы я был никто... Ко мне до 50 лет все обращались: «Молодой человек», а теперь: «Дедушка, ты куда?»

— А трудно ли было играть непростых, скажем прямо, дамочек — Кабаниху, Бабу Ягу, мадемуазель Куку?

— Мое глубокое убеждение: их должен играть только мужчина. С этими ролями ни одна женщина просто не справится! Трудно ли мне было? Ну это же не фантастические какие-нибудь персонажи. Даже бабы-яги встречаются среди нас, их надо только уметь увидеть. Присмотритесь. О, сколько можно увидеть этих, на метле! У меня ведь еще и Ведьма была в «Аленьком цветочке». Баба Яга и Ведьма — самые симпатичные мои женщины, мне не хотелось пугать, я старался сделать их кокетливыми и даже привлекательными. То ли дело мадемуазель Куку из «Безымянной звезды»! О, эта женщина с большими претензиями на красоту! Отсюда зависть, ненависть. В ней нет ничего женского, и поэтому это самая тяжелая моя роль.

Натэлой Александровной вы познакомились, работая с ее братом, Георгием Товстоноговым?

— Я ее знал, когда ей было лет 12. Она ходила на все спектакли Тбилиского ТЮЗа. Я был на 10 лет старше, жил в квартире Товстоного-

вых, дружил с их родителями и не представлял тогда, что мы проживем с Натэлой Александровной всю жизнь — вот уже 45 лет.

У меня тогда была возможность попасть в любой театр, а Георгия Товстоногова еще никто не знал. Но он для меня всегда был гением, и я всегда мечтал о такой умной голове. Он сказал мне: «Поедем со мной». И я поехал. Так мы и прожили рядом долгую творческую жизнь.

— Я все никак не пойму, сколько же у вас детей?

— Один сын — Алеша. Он кинорежиссер. Двое других — Георгия Александровича. Его дочь живет в Америке, а сын Александр репетирует в БДТ со мной «Село Степанчиково». Натэла воспитывала всех детей, да и за нами, двумя мужиками, ухаживала. Мы ведь с Гогой соседи, и свои квартиры давно соединили в одну. На половине Товстоногова нет даже кухни, она всегда у нас была общая.

— Что прошедший год принес вам хорошего?

— Я почти семь лет в своем театре не получал ролей. Но мне опять повезло в жизни — я встретил режиссера Льва Додина. За последние два года сыграл в его театре три роли. В прошлом году много с ним гастролировал: Венеция, Амстердам, Лондон, Париж... Хотел и не знаю языков, все равно приятно посмотреть, как люди живут. В Японии меня, между прочим, объявили «национальным достоянием» и «артистом века».

— На сколько дней «артиста века» хватает его зарплаты?

— Конечно, у нас маленькая зарплата (смущаясь), но нам прибавили — у меня 600 тысяч рублей. Это самая большая зарплата в театре. И есть еще правительственная надбавка — пожизненная 10-кратная минимальная зарплата. Это выручает. Я всю жизнь привык работать, и не только ради денег. Это поддерживает мое здоровье.

— Вы много встречаетесь с сильными мира сего. Как дейст-

вует на них волшебная сила искусства?

— Еще в моей «кондитерской» юности нарком пищевой промышленности Микоян, растроганный моим выступлением в самодеятельности, подарил мне костюм. Много позже, уже в БДТ, нас посетил легендарный Климент Ворошилов. После спектакля «Идиот», где я играл Рогожина, он зашел за кулисы и пробурчал мне: «А с тобой страшно. Еще убьешь!»

А вот еще случай. Как-то мы играли в Гамбурге «Историю лошади». Когда мы вышли на поклон, в первом ряду вдруг встал человек и протянул мне руку. «Где-то я его видел», — успел подумать я и решил тут же,

что он тоже артист. Когда мы соединили руки, зал встал, бурно аплодируя. Потом за кулисами я узнал, что это был канцлер Шмидт. Любил в наш театр ходить и Михаил Горбачев. Как-то, уже не президентом, он приехал с женой на спектакль «На дне». Был банкет. И мы с ним, как старые знакомые, сидели и пели.

— Евгений Алексеевич, что вы делаете в свободное от работы время?

— Работаю. Очень люблю лепить, выпиливать, резать по дереву. Все рамы для картин в моем доме сделаны моими руками. А еще я пишу рассказы. Это самая трудная моя работа.

Ирина Зайчик

